

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

ВЕЛИЧИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. Скоро исполнится сорок лет со дня смерти американского литературного критика и публициста Лаойнеля Триллинга (1905–1975). Его литературно-философские идеи и послужили предметом исследования в статье. Работы Л. Триллинга пользовались в Америке огромной популярностью. Особую известность принесли ему выступления по телевидению. Они были рассчитаны не на массовую аудиторию, а на так называемых интеллектуалов. В период увлечения многими писателями США мистической духовной традицией, Трилинг настаивал на дальнейшем развитии рационалистической практики, на ее обогащении. В статье использован метод биографической реконструкции творчества критика. Применены также методы сравнительного анализа и метафизической рефлексии, взяты на вооружение приемы аксиологического измерения человеческого бытия.

Новизна исследования в том, что эта статья является первой в отечественной литературе попыткой познакомить читателей с разнообразной деятельностью этого критика, со сборниками его эссе о литературе и обществе — «Либеральное воображение» (1950), «Противостоящая самость» (1955), «Собрание беглецов» (1956), «За пределами культуры» (1965) и др.

Ключевые слова: филология, философия, либерализм, общество, разум, вера, рационализм, сознание, утопия, нигилизм.

Лаойнел Трилинг оканчивал Колумбийский университет, когда в Америке разразилась Великая депрессия. Перед этим он женился, на его попечении были родители, братья, сестры. Отбиваясь от нужды, болезней, предрассудков и житейских неурядиц, он искал опору в титаническом духе «идеалистов» XIX в. Его взор обращался к Англии, которая была его «профессиональной родиной». Вот почему Вордсворт, Кольридж, Карлейль стали первыми деятелями литературы, о которых он писал как о значительных мыслителях своего времени. Трилинг болезненно переживал влияние Кольриджа, который был обласкан фашистскими идеологами. Поэтому он характеризовал позднего Карлейля как «мрачный кальвинизм». В то же время он хвалил Фитцджеральда за скромность, за то, что его не соблазнила мода 30-х годов — критиковать буржуазное общество или, как он говорит, «складывать всевозможные личные неурядицы у двери «социального порядка». Трилинг видел в «биологизме» Фрейда последнее убежище от «тирании культуры» и считал, что концепция личности не-

офрейдизма ликвидирует внутренние возможности для социального протеста¹.

Л. Трилинг — был профессором Колумбийского университета (США). Он известен как литературный критик, эссеист, историк философии. Огромной популярностью пользовалась его лекция, прочитанная в 1972 г. на первых ежегодных чтениях по гуманитарным наукам, учрежденных в честь Томаса Джефферсона. Трилинг посвятил её проблемам, связанным с изменившимся отношением большинства к роли разума (интеллекта) в современном мире.

В 1946 г., на последнем году жизни, Гербер Уэллс опубликовал небольшую книгу «Разум при последнем издыхании»². Трилинг считал эту работу великого фантаста одним из самых грустных документов эпохи, криком усталости и отчаяния. Уэллс отказывался здесь от прежней страстной веры в благу для человечества силу разума. Когда-то он недвусмысленно проповедовал, что

¹ См.: Trilling L. Freud and the crisis of our culture. Boston, 1955.

² Wells G. Mind at the end of its tether. L., 1946.

разум, освободившись от традиционных иллюзий и обратившись непосредственно как к физической, так и к собственной природе, избавит человечество от нужды и лишений и поможет достичь конечной цели эволюции — долгожданного всеобщего счастья. Теперь писатель приходит к выводу, что силы разума недостаточно не только для обретения всеобщего счастья, но даже для выживания человечества.

Однако война, приведшая Уэллса к такому печальному выводу, на человечество в целом имела скорее обратное воздействие. Поэтому в ближайшее десятилетие после выхода в свет книга Уэллса, по мнению Триллинга, не была созвучна умственной жизни общества. В 70-х годах, многие, как и Уэллс в свое время, ощущают бессилие разума в современном мире. Одни обеспокоены парадоксальным противоречием между природными возможностями разума и их осуществлением, другие испытывают тревогу за судьбы разума, сталкиваясь с тенденциями его дискредитации.

Как замечает Трилинг, книга Уэллса не случайно всплыла в его памяти в связи с именем Джефферсона. Хотя между этими двумя людьми мало общего — в том, что касается как эмоционального склада, так и социального сознания, — оба они были единодушны в своей твердой вере в мощь разума.

Исторически и Уэллс, и Джефферсон продолжают единую линию — ту, что начата философами древней Греции с их эстетическим культом разума независимо от практических целей, с их верой в моральную силу разума. Оба являются также преемниками ренессансной традиции, исповедовавшей веру в непосредственное влияние познавательных способностей разума на судьбы человечества и отводившей разуму решающую роль в политической жизни. Именно эти воззрения стали господствующими в XVIII в., и пылким их сторонником был Джефферсон.

Не умаляя значения Джефферсона, Трилинг подчеркивал, что тот не был оригинальным мыслителем; если к нему и приложимо понятие «гения», то не в современном смысле, а именно в том, в каком это слово употреблялось в его веке, когда так называли людей с выдающимися способностями. Он популяризовал и проводил в жизнь философские идеи, выработанные мыслителями прошлого и современными ему умами, особенно же настойчиво — распространенное в его эпоху представление о равенстве умственных способностей. Он был уверен, что интеллектуальные ресурсы

нации не сконцентрированы в среде избранных, а распределены среди большинства.

Если в дальнейшем для американского общества стало традиционным отношение к разуму как к любимому детищу демократии, то начало этой традиции было положено проектом всеобщего образования, который был обнародован Джефферсоном в 1783 г. в его «Записках относительно штата Вирджиния». В этом проекте Джефферсон главную роль отводит преподаванию истории — как средству развития сознания детей. Именно знание истории — всех времен и народов — превратит, по его мнению, будущих граждан Америки в «судей человеческих поступков и помыслов». Примечательно, что дети, для которых составлялась эта программа, в большинстве своем должны были стать фермерами, и Джефферсону казалось естественным, что они не только окажутся кузнецами собственного счастья, но и будут ответственны за ход дел в обществе.

Трилинг показывал, что в те дни нашлось бы мало людей, кто не отнесся бы скептически к этим идеям Джефферсона. Современная педагогическая наука с недоумением отреагировала бы на его предложение набить детскую память «голыми фактами прошлого», не имеющими прямого отношения к потребностям и переживаниям ребенка. А современному историку показалась бы наивной вера Джефферсона в то, что факты прошлого сами по себе, даже в случае пристрастного и искаженного их изложения, непременно будут правильно восприняты честным и пытливым умом.

Однако для Джефферсона, как и для большинства выдающихся умов XVIII и XIX вв. — Вольтера, Дидро, Руссо, Гёте, Гегеля, Дарвина, Маркса, Фрейда — утверждает критик, именно чувство прошлого служило творческим источником деятельности в настоящем. И вряд ли кому-нибудь из них могло прийти в голову, что в скором времени, с развитием индустриального общества, сама идея прошлого будет объявлена ограничением и помехой, что, по выражению одного современного социолога, наступит «смерть прошлого». Этот коренной пересмотр культуры отражается и в программах американских учебных заведений, где истории уделяется все меньше места. А так как триумф разума в сознании двух минувших веков прочно ассоциировался с живым чувством истории, то и наблюдаемый ныне упадок веры в силу разума невольно сопрягается с тенденцией отказа от прошлого, с пренебрежительным отношением к истории. Эти вопросы крайне актуальны и в нашей современной российской реальности.

Между тем вопрос о месте разума в жизни общества был в минувшие столетия злободневным, политическим вопросом. В эпоху английской революции пуритане открыто провозгласили решающую роль разума для жизни человечества, признавая за публично выраженными идеями право непосредственно влиять на общественное устройство. Еще ощутимее роль идей во французской революции XVIII в., о которой Гегель сказал, что в это время человечество впервые признало власть мысли над своей духовной жизнью.

Триллинг отмечал, что такое преклонение перед разумом породило течение, которое не без раздражения стали называть «рационализмом». В этом образе мыслей усмотрели упрощенный подход к вселенной, к человечеству, а подчас — слишком прямую параллель между человеком и машиной, покушение на свободу и достоинство человека (хотя для некоторых такая параллель означала, напротив, веру в возможность управлять действительностью на благо человека). Реакцией на рационализм стало широкое культурное течение, получившее наименование романтизма. В противовес тому, что Паскаль называл «духом геометрии», т.е. вопреки принципиальному отделению процесса познания от чувства, воображения и воли, романтики настаивали на равноправном включении этих качеств в понятие разума.

Это именно так, поскольку английский романтик У. Вордсворт в поэме «Прелюдия» говорит о том, какой огромный вред наносится личности, познавательным способностям человека концепцией научного разума, которая стала господствующей во времена Французской революции. Вордсворт противопоставляет этой концепции понятие «поэтического разума», чья мощь не в аналитических способностях, а именно в чувстве, воображении и воле. Однако отношение Вордсворта к науке определяется не антагонизмом, а скорее верой в ее родство с поэзией. Он предвкушает то счастливое время, когда изыскания ученых станут темой поэтического творчества — конечно, при условии, что наука будет достоянием большинства³.

Этому предсказанию, считал Триллинг, не суждено было сбыться. В тот период достижения точных наук находились за пределами интеллектуальных возможностей большинства. Хотя многие брались судить об их практических последствиях,

сама суть научных открытий, понятия, которыми оперируют ученые, не взывала ни к их чувству, ни к воображению. И поэты оставались к ним равнодушными.

Согласно гуманистической традиции XVIII в., естественные науки считались столь же общедоступными, как литература и история. Во времена Джефферсона предполагалось, что всесторонне развитый человек должен иметь хоть некоторое понятие об этих предметах, и такой подход находил, как считал Триллинг, отражение в программах высших учебных заведений. Однако с тех пор так и не удалось выработать эффективную методику преподавания точных наук неспециалистам, и эти науки постепенно исчезли из вузовских общеобразовательных программ.

Триллинг показывал, что такое удаление большинства людей из интеллектуальной сферы, включающей наиболее выдающиеся достижения XX века, не может не ранить самолюбия людей, не может не вызывать у них чувства унижения и отчужденности. Вполне вероятно, что отношение к разуму находится в прямой зависимости от этого.

По мнению литературного критика, не ощущалось общественного интереса даже к тем областям науки, которые, казалось бы, непосредственно связаны с практической жизнью. Когда в 1846 г. Джон Стюарт Милль опубликовал свои «Начала политической экономии», книга эта сразу же стала известна во всем мире, а в самой Англии за последующие полвека она была переиздана тридцать два раза. Труд Милля стал неотъемлемой частью культурной жизни общества, предметом интеллектуальной полемики. Диккенс написал роман «Тяжелые времена», где стремился продемонстрировать антигуманность взглядов Милля. Джон Рёскин, до той поры выступавший лишь в качестве художественного критика, посвятил разбору книги Милля целый цикл статей, а Теккерей публиковал эти статьи в своем журнале, не взирая на ропот подписчиков. Триллинг подчеркивал, что ни один современный ему экономист, как бы компетентен и оригинален он ни был, не может надеяться на подобную популярность. Да и пользоваться ему придется более специальным, а значит, и менее доступным языком. То же можно сказать и о других общественных науках.

Столь же критично Триллинг оценивал ситуацию и в области гуманитарных наук. Уже анализировалось растущее пренебрежение к истории. Что касается философии, то и она все больше становилась достоянием узких специалистов, — у неспеци-

³ Вордсворт У. Избранные стихотворения и поэмы. М.; СПб., 2002.

алиста со средним интеллектуальным развитием все меньше было надежд постичь ее. С литературоведением в экспертизе Триллинга дело обстоит не проще. За последние десятилетия был выработан целый аппарат сложных методов изучения литературных произведений, и некоторые критики стали уже ощущать это как барьер между читателем и произведением. Как удивился бы Джефферсон, узнав, что и творения литературы теперь вовсе не так общедоступны, как представляется на первый взгляд. При этом сама необходимость литературоведения до последнего времени ни кем под сомнение не ставилась, и литература по-прежнему считалась неотъемлемым элементом высшего образования в США. Однако в наши дни даже среди самих преподавателей литературы стало распространяться сомнение в ее образовательной ценности, скептическое отношение к своей профессии.

Триллинг считал, что неприятие разума в целом связано, очевидно, кроме упомянутых выше причин, с более общей тенденцией нашего времени — отвержением авторитета. Ведь в прежние времена авторитет интеллекта нередко отождествлялся с социальной властью. Вспомним королей-философов Платона или Аристотеля, признававших только за знатью преимущество обладания высокоразвитым интеллектом. И в более близкие к нам времена, в XIX в., идеал интеллектуальности все еще нередко ассоциировался с идеалом военно-аристократической доблести — принято было говорить о «победном шествии разума», о «государственном уме», о «героях мысли» и т.п.

Однако уже в конце XIX в., считал Трилинг, раздался голос против агрессивного авторитета разума. Это был голос Уильяма Морриса, изобразившего в своей утопии «Вести ниоткуда» счастливое беззаботное общество, занятое нехитрыми ремеслами и полностью освободившееся от власти науки, философии и сложных видов искусства. Даже учителям в этом обществе не было места — автор исходил из представления, что каждый член общества сам в состоянии научиться тому, что нужно в практической жизни. По Моррису, следует опасаться любых форм превосходства разума — как ведущих к конкуренции и неравенству⁴. Утопия Морриса, не особенно популярная в свое время, предвосхитила две антиинтеллектуалистические идеи наших дней: что авторитет разума ведет к отказу от социального равенства и что развитие интеллекта приводит к деформации личности.

⁴ См.: Моррис У. Вести ниоткуда: утопия. М., 2010.

Если когда-то Джефферсон возлагал надежды именно на разум, на силу идей как единственно способную противостоять силе собственности, то во времена Триллинга наметилась скорее аналогия между двумя этими силами. Так, одна из форм собственности — деньги — представляет собой идейную силу, могущую, как свидетельствует о том Шекспир в «Тимоне Афинском», подвергнуть сомнению любую установившуюся моральную ценность, любую добродетель. Сила денег, которая, как и сила идей, казалось бы, в принципе для каждого достижима, становится достоянием немногих и ведет к неравенству. Притом идеи порождают свою аристократию еще быстрее, чем деньги: Вольтер, Руссо и Дидро были общепризнанными князьями своего времени.

Триллинг показывал, что клич Наполеона: «Поприща ждут талантов» — был в его эпоху воспринят как новый призыв к социальному равенству. А в XIX в. Англия слыла страной даже большего равноправия, чем Франция, потому что новый денежный класс своей быстро растущей властью был обязан не рождению и титулам, а лишь собственным способностям и энергии. Да и многие люди мысли, подобно Фарадею, Карлейлю, Диккенсу, поднимались тогда из низов английского общества. Но такое положение дел со временем стало квалифицироваться не как реальное равенство, а лишь как равенство возможностей. Странники же всеобщего равенства видели единственный путь к нему в распределении вширь образования, что в настоящие дни становится уже государственной проблемой. В Америке за последние сто лет высшее образование охватило такое рекордное количество населения, что, по мнению критика, у многих возникла уверенность в быстром движении к всеобщему равенству.

Однако при отношении к высшим учебным заведениям лишь как к общедоступному средству социального продвижения неизбежно снижается уровень высшего образования. Преподавателям все меньше доводится вспоминать о старых идеалах бескорыстного служения «свету» и «правде»: то, чему они обучают, не представляет ценности само по себе, а лишь служит определенным социальным целям. Конечно, все понимают пагубность такого интеллектуального нигилизма, но пока что позиция большинства американских колледжей, безропотно подчиняющихся запрету, наложенному на «академизм», и отказывающихся от традиционных норм преподавания, также иллюстрирует неблагоприятную судьбу разума во времена Триллинга. Протест против власти разума (в определенных

аспектах, действительно, приведшего к антигуманным и смертоносным результатам), против засилья идей воспринималась частью преподавателей и студентов как политическая добродетель.

Нынешняя «контркультура», утверждал Трилинг, считает именно «мир объективного разума» ответственным за антигуманистические и деперсоналистические тенденции современной культуры. Но дело не в объективистских наклонностях разума. Ведь в идеале, объективизм стремится не к умалению объекта, а как раз к познанию его таким, каков он на самом деле, вне нашей личности и наших пристрастий, со всем должным уважением к его существу. И не экспансия, а именно ограниченность возможностей познания, не позволяющая достичь этого идеала объективности, ведет обыкновенно к дискредитации разума, к противопоставлению непосредственного опыта, интуитивного постижения, озарения — рациональному познанию.

Притом, если определенная литературно-философская традиция (Платон, Шекспир, Сервантес, Ницше, Йитс) и провозглашала порой безумие условием озарения, проникновения в истину, то состояние это не предлагалось в качестве всеобщего образца и тем более — социальной роли. Теперь же вопрос ставится именно так, для чего мобилируется ряд научных доводов. В современной постфрейдистской психиатрии безумие рассматривается не как страдательный результат общественных по-

роков, а как активная реакция на разрушительные импульсы общественного строя⁵. Этой реакции приписывается политический смысл: дескать, поскольку само общество ненормально, то кажущаяся аномалия психики на самом деле разумна — как освобождение личности от общего безумия. На этом пути — ценой одиночества, мук и страданий — предлагается вновь обрести истинную разумность и человечность. Уже одна эта мысль показывает, до какой отчаянной черты дошло недоверие к возможностям рационального мышления.

В самой природе разума заложено, считает Трилинг, то, что он может стремиться к идеалу, лишь продираясь сквозь собственные противоречия. В истории человечества были периоды расцвета разума и его упадка. Но в прошлом, когда наступал период пренебрежения разумом, это затрагивало в основном интеллектуальную жизнь меньшинства, иначе говоря, лишь блёстки общества. Блёстки переставали сверкать, но обыденная жизнь общества шла своим порядком. Теперь дело обстоит не так. В наши дни разум — уже не украшение, не «надстройка», он внедрен в сердцевину государства, и потеря веры в его возможности неминуемо ведет к неверию в общественные и национальные перспективы. Поэтому и следует задуматься над этим вопросом. От отчаяния здесь нас удерживает свойство самого разума — его способность к самосознанию, к анализу собственного пути и исправлению ошибок.

Список литературы:

1. Вебер М. Протестантская этика: Сб. статей / Пер. М.И. Левиной. М., 1972.
2. Вордсворт У. Избранные стихотворения и поэмы. М.; СПб., 2002.
3. Гуревич П.С. Психианализ личности. М., 2011.
4. Моррис У. Вести ниоткуда: утопия. М., 2010.
5. Rees R. George Orwell: Fugitive from the Camp of victory. L., 1961.
6. Trilling L. Speaking of literature and society. Oxford, 1980.
7. Trilling L. The middle of journey. N.Y., 1947.

References (transliteration):

1. Veber M. Protestantskaya etika: Sb. statei / Per. M.I. Levinoi. M., 1972.
2. Vordsvort U. Izbrannye stikhotvoreniya i poemy. M.; SPb., 2002.
3. Gurevich P.S. Psikhoanaliz lichnosti. M., 2011.
4. Morris U. Vesti niotkuda: utopiya. M., 2010.

Редакция журнала поздравляет главного редактора, профессора Павла Семёновича Гуревича с награждением его медалью Института философии РАН «За вклад в развитие философии».

⁵ Гуревич П.С. Психианализ личности. М., 2011.